

ФЁДОР ЛАПКО

СОЛДАТЫ 41-ГО

Из воспоминаний артиллериста-зенитчика

Вспоминая события лета 1941 года, я думаю, что люди, прежде всего, никогда не забудут зверства фашистских карателей, которые (я это видел своими глазами) скашивали из автоматов первых попавшихся на глаза мирных жителей, забрасывали гранатами убежища, где прятались люди, сжигали дома вместе с их обитателями.

Всё это я видел, всё это довелось мне пережить в самом начале войны, которую я встретил в звании младшего лейтенанта, командуя 1-й батареей 743 зенитно-артиллерийского полка 14-й бригады ПВО. Полк наш дислоцировался и нёс боевую службу на старых оборонительных крепостях (фортах), расположенных вокруг города Каунаса Литовской ССР. Батарея, которой мне пришлось командовать, несла боевое дежурство на форте № 6. Этот форт уже тогда имел печальную славу. До принятия Литвы в состав СССР (до августа 1940 г.) на данном форте старым буржуазно-фашистским режимом была организована тюрьма, в которой происходило массовое уничтожение ни в чём не повинных людей, тех, кто не был согласен с фашистской диктатурой. На сводах внутри бетонных стен этого форта я сам читал множество различных надписей – это были последние слова узников перед пытками и смертью.

А в период оккупации Литвы фашистской Германией во время Второй мировой войны именно на этом форте № 6 был организован массовый расстрел мирных советских граждан, уничтожались старики, женщины, дети. Всего их было около 30 тысяч человек, множество из них были заживо закопаны в землю.

Но всё это ещё будет впереди, а я вспоминаю последнюю мирную субботу 21 июня 1941 года. До позднего вечера слышались напевы литовских девушек, после наступила полная тишина. На рассвете 22 июня, около трёх часов утра эта тишина была нарушена. Отчётливо помню, что вначале меня разбудила приبلудившаяся к нам на огневую позицию собака (овчарка), очевидно, и животное почувствовало опасность, оставила своего хозяина, искала место для своего спасения. Я в эту ночь больше уснуть не смог, волновался, тревожно было, не по себе.

Я разбудил политрука батареи Михайлова, а сам ушёл проверить огневую позицию и склады боеприпасов. Возвращаясь к своей палатке, в которой мы жили, услышал шум мотора и вскоре обнаружил самолёт, принадлежность которого трудно было определить невооружённым глазом. Дежурный разведчик на огневой позиции, наблюдая в бинокль, говорит мне: “Товарищ младший лейтенант, смотрите – кресты”. Когда самолёт подлетел ближе к нашей огневой позиции, оказалось, что это был немецкий “Юнкерс-88”. Он летел на высоте около 1000 метров в сторону аэродрома г. Каунаса, его преследовал наш истребитель И-16. Оба самолёта вели огонь друг против друга. Во время стрельбы трассирующие пули проходили выше и ниже самолётов. Мы эту

стрельбу приняли за учебно-тренировочные полёты, но тут послышались взрывы бомб со стороны аэродрома. Позже выяснилось: одна из сброшенных бомб совершила прямое попадание в жилой дом, остальные бомбы упали на взлётной полосе аэродрома. Я решил срочно доложить на командный пункт командира полка, но связи не было. Позже было установлено, что телефонный кабель к тому времени уже был вырезан немецкими диверсантами на участке около 200 м. Радиосвязи на батарее не было. В результате на некоторое время мы были лишены всякой связи с командным пунктом.

Вскоре немецкие самолёты появились большими группами (по 20–25 в группе), летели в эшелонированном порядке с прикрытием истребителей. Пролетали они западнее и восточнее батареи километров около 10–12.

На батарее была объявлена боевая тревога. По сигналу весь состав батареи занял свои места, перед расчётами была поставлена задача: обнаружить самолёты противника и обеспечить надёжное прикрытия наземных объектов. Умело и слаженно действовали расчёты. Командир взвода и командиры орудийных расчётов доложили о полной боевой готовности батареи. В эту же минуту в радиусе от 1,5 до 2 километров от батареи возникло множество пожаров: горели скирды соломы, дома, сараи и другие сооружения. Нам не было понятно, что это за пожары. Разведчик, наблюдая за окружающей местностью, обнаружил, что в сторону батареи на большой скорости скачет всадник на рыжей лошадке. Это был начальник продовольственного снабжения нашего полка, который по прибытии к нам передал в устной форме распоряжение командира полка, где было сообщено: “Немецкие войска перешли границу Советского Союза, большими группами продвигаются в сторону г. Каунаса Литовской ССР. Наши пограничные войска ведут ожесточённые оборонительные бои с превосходящими силами врага”. Начальник продовольственного снабжения передал распоряжение командира полка и тут же отправился на командный пункт. Появилась большая группа самолётов противника, шла стройно, красиво поблескивая поочерёдно крыльями и носовой частью, как зеркалами. Над ними барражировали истребители, словно на параде. Моторы работали с переливистым тяжёлым гулом, они несли смертоносный груз на наши города, сёла. Самолёты подходили к зоне сопровождения, с дальности начали чётко передавать высоту и дальность. И вот последовала первая моя команда: “По головному самолёту противника боевыми – заряжай!..” – и затем последовал первый залп. Разрывы снарядов ложились кучно впереди летящих самолётов, и в результате они вынуждены были изменить своё направление движения и пройти курсом западнее батареи. Следом за большой группой появились два самолёта, летящих на бреющем полёте курсом строго на батарею, по которым был открыт ураганный огонь и прямой наводкой был сбит первый самолёт противника Ю-88.

В первом бою наши солдаты, проявляя стойкость и мужество, не дрогнули перед массой боевых машин противника, которая появилась над нами. Мы поклялись: что бы ни произошло, драться до последнего человека, не допустить ни единого воздушного и наземного противника к своим позициям. На батарее закипела боевая работа для встречи врага. Готовили боеприпасы, проверяли материальную часть орудий и приборов, установили круговое наблюдение за воздушным и наземным противником. Мы считали себя “обстрелянными”, поскольку уже выпустили большое количество снарядов по самолётам противника, но никто из нас не видел убитых и раненых людей. К вечеру звуки танковых и орудийных выстрелов стали приближаться. Весь состав батареи нервничал, переживая эти минуты в ожидании противника, очевидно, каждый про себя думал: не подведут ли нервы, как сохранить спокойствие. Настали ночь и второй день войны, пожары, стрельба, взрывы. Всё больше осложняется обстановка.

Батарея продолжала нести боевую службу в течение всей ночи, проводилась большая работа по усовершенствованию инженерного оборудования огневой позиции, рыли окопы, ячейки, подносили боеприпасы, раскладывали по ячейкам гранаты и т. д.

К утру 23 июня появилось большое количество бегущего гражданского населения: литовцы, русские, белорусы. Люди бежали, спасаясь от фашистских захватчиков, обращались друг к другу и к нам за советом и помощью: что делать, в каком направлении совершать движение; говорят – с нами дети, старики и жёны.

В эту трудную минуту тяжесть положения усугубляли предатели, трусы и диверсанты, которые вносили панику, сбивали с дорог и правильных маршрутов. Они говорили, что все дороги отрезаны, отходить некуда, кругом немцы. Фашистские самолёты летали на бреющих полётах, расстреливали мирное население, сбрасывали листовки с призывом сдаваться. Многие, кто клюнул на такую удочку, впоследствии были расстреляны.

23 июня 1941 года в 4 часа утра от заместителя начальника штаба полка я получил устное распоряжение оставить огневую позицию и срочно следовать на Зелёную гору г. Каунаса в район сосредоточения. Там будет вручён приказ о дальнейшем действии батареи. Это означало, что нам необходимо совершить около 10 километров марша от форта № 6 до Зелёной горы, при наличии одного трактора и автомашины ГАЗ-53. Обстановка не позволяла медлить ни одной минуты. Итак, передислокация началась. К трактору прицепили два орудия, 85-миллиметровые зенитные пушки. Оставшиеся два орудия поочерёдно перевозили автомашиной ГАЗ-53 с помощью огневых расчётов, которые подталкивали, а в трудных местах просто тянули на себе.

Марш совершался около 5 часов вместо 40 минут. Особенно испытывали большие трудности в движении по городу, так как все улицы были запружены людьми, различными видами транспорта. Везде шум, крик, плач. Непривычная обстановка угнетающе действовала и на солдат, они зачастую терялись, не зная, что делать, тем более нам приходилось по несколько раз возвращаться, оказывать помощь своей колонне и давать советы уходящему населению.

Батарея сосредоточилась в указанном районе, приказ командира полка был выполнен полностью и в срок. Казалось, всё в порядке, трудности позади. К сожалению, на деле оказалось совсем иначе. В данном районе никого из состава нашего полка и других воинских частей не оказалось. Как стало известно, командир полка майор Алейников со своим штабом выехали из города Каунаса значительно раньше. К месту нашего сосредоточения начали стекаться со всех концов отдельные военнослужащие из различных частей и подразделений, которые по различным обстоятельствам и причинам отстали или потеряли связь со своими штабами и командирами. Они спрашивали у нас обстановку: где противник, какие изменения произошли в течение дня. Как нам быть, что делать? Короче говоря, задавали те же вопросы, которые и нас интересовали. В это время фашистские самолеты начали совершать массированные налёты, контролировали все дороги и населённые пункты, расстреливали из пулемётов всех и всё, что было обнаружено. Стала слышна артиллерийская стрельба, совсем рядом появились воздушные разрывы снарядов. В эту минуту весь личный состав батареи готовил себя к бою, а материальную часть, орудия, автотранспорт — к походу. Помощи и совета ожидать неоткуда, обстановка требовала принятия срочных решений. В воздухе наших истребителей, которые могли бы противостоять численному и техническому превосходству гитлеровской авиации, не было. Немцы летали безнаказанно, каждую минуту увеличивались жертвы, которые, в первую очередь, несло мирное население.

Перед совершением марша на батарею состоялось, можно сказать, нечто похожее на заседание военного совета, на котором было выработано важное решение: принять все меры к сохранению боевой техники, которая нам была вручена. За этот пункт проголосовали единогласно, и это стало для нас боевой задачей. В плен не сдаваться, с материальной частью не расставаться, кому судьба умереть — умирать героем, останешься в живых — бей врага со всей силой, не жалея сил, здоровья и самой жизни.

В 17 часов 23 июня 1941 года батарея начала совершать свой марш в направлении г. Двинска (ныне г. Даугавпилс), короче говоря, искать наши оборонительные рубежи. Нам совершенно не было известно, куда идти, кругом незнакомая местность, не было топографических карт. Мы могли ориентироваться только по общему движению гражданского населения и отдельных военнослужащих, которые так же получали информацию от местного населения: куда ведут дороги, где противник, а в общем — держали курс на восток. Не проехав и двух километров, слева, в 500 метрах от нашей дороги, по которой мы начали совершать свой марш, заметили не совсем удачно замаскированную зенитно-артиллерийскую батарею, чему мы вначале обрадовались. Подумали, что мы не одни и наше направление правильное. Пришла мысль, что, очевидно, где-то впереди сделана неплохая ловушка для немцев. Естественно, что там, где расположены зенитные части, может быть, и есть глав-

ное направление движения или расположение воинских частей, которые должны прикрываться от воздушного противника. По этому случаю я подал команду свернуть с дороги, рассредоточиться, принять все меры для маскировки, до выяснения обстановки. Сам с двумя разведчиками отправился на обнаруженную огневую позицию с целью узнать обстановку, возможно, и получить боевую задачу для прикрытия наших войск в обороне. Оказалось, что все наши предположения ошибочны. Выяснилось, что эта зенитная батарея оставлена нашим полком из-за отсутствия транспортных средств. Причём вся материальная часть находилась в полной исправности и боевой готовности. Заметно, что батарея вела огонь до последнего часа, так как на позиции валялось большое количество стреляных гильз. Перед нами возникли новые сложности: надо было решать, как поступить в такой обстановке. Нужен транспорт, горючее, боеприпасы, продукты. Всего этого нет.

К нашему счастью, со стороны зелёной рощи на большой скорости причмчался к нам на помощь шофёр на грузовой машине ЗИС-5. Эта машина и шофер принадлежали авиачасти с Каунасского аэродрома. В то время машина ЗИС-5 считалась самым мощным и хорошим видом транспорта. Жаль, прошло много времени, не смогу вспомнить фамилию водителя, кажется, Денисов. Но сам факт забыть нельзя, потому что этот человек показал себя настоящим воином, преданным своему воинскому долгу.

При сложившейся обстановке, когда стрельба приближалась всё ближе и ближе, а враг с минуты на минуту мог появиться в этом районе, у нас на батарее решался вопрос о материальной части, оставленной подразделением нашего полка. Товарищ Денисов одним из первых поддержал инициативу вывезти прибор ПУАЗО-3 (прибор управления зенитно-артиллерийским огнём), который только начал поступать на вооружение частей. Прибор был вывезен, мы считали, что он в дальнейшем должен заменить наш морально и технически устаревший ПУАЗО-2, который, к сожалению, всё ещё находился на вооружении зенитно-артиллерийских частей. Что касается оставленных орудий, то они нами были выведены из строя. После всех организационных мероприятий пришёл час совершить самый сложный и трудный для нас марш. Его трудность заключалась в том, что противник проскочил далеко вперёд, так как наши части не смогли оказать серьёзного сопротивления на данном направлении. Задачи сложнее не может и быть, нужно было сохранить организованность, не растеряться при любой обстановке. Политрук тов. Михайлов в этот тяжёлый час успевал находиться там, где трудно и опасно. Он своим личным примером, добрым словом умел поддерживать моральный дух солдат и командиров, укреплял чувство ответственности и уверенности в своих силах. Он прекрасно понимал, что мы оказались в такой обстановке, когда при проявлении малейшей неуверенности или трусости могли бы потерять многое: людей, технику. Наш пример служил не только для военных, но и для гражданских лиц, уходящих на восток. Они ориентировались на нас, на наше поведение.

Для совершения марша были приняты все меры маскировки, за машинами следовали бойцы огневых расчётов, неся в руках массу веток, наша колонна была похожа не на боевую единицу, а на зелёную аллею.

Двигались в основном по шоссейной дороге, при появлении вражеской авиации колонна останавливалась, скорость движения была небольшая. В общей сложности до наступления тёмного времени нам удалось продвинуться примерно на 60 километров. Эта медлительность объяснялась тем, что наш трактор с двумя пушками в среднем не мог идти быстрее 20 километров в час. Кроме трактора, как уже говорилось, мы имели в наличии еще одну полутонную машину ГАЗ-53 и позже вновь принятую и зачисленную из другой части ЗИС-5 вместе с водителем Денисовым.

Итак, мы имели всего, если так можно выразиться, три тягловые единицы, а для полного укомплектования батареи того времени необходимо было иметь около восьми автомашин, способных транспортировать всё имущество, боевую технику на прицепе весом около пяти тонн. Поэтому, не имея такой возможности, на всём пути нашего движения приходилось тянуть орудия силами орудийных расчётов. Большую помощь нам оказывали и гражданские лица, простые мирные люди, бегущие от фашистов на восток. В общем, в этом движении участвовали все: военные и гражданские, спасая боевую технику, которая так необходима была для нашей армии. Все мы прикладывали

усилия как можно быстрее и дальше продвинуться вперёд для встречи со своими воинскими частями.

Между тем автоматная и танковая стрельба слышалась всё ближе и ближе. У нас над головами появились воздушные разрывы снарядов. Вражеские самолёты усиливали налёты, не давая покоя и отдыха нам и отходящим гражданским. На бреющем полёте один за другим летали немецкие самолёты, сбрасывали бомбы, строчили из пулемётов. После каждого налёта на дорогах и обочинах оставалось лежать множество убитых и раненых. В основном гибли беженцы, они двигались по обочинам дорог, более компактно, группами, растерянно металась, не находя себе места во время бомбёжки и обстрела. Была слышна ругань, выкрики: “Где наша армия? Почему её нет? Куда делась наша авиация?” Некоторым казалось, что немцы уже окружили нас, идти дальше нет никакого смысла. Многие выбились из сил, не имели продуктов питания. Другие сами себя утешали, подбадривали, что всё равно немцам нас не одолеть; смотрите, мол, какая масса людей уходит, все дороги забиты, нам только бы быстрее дойти до старых границ, тогда всё пойдёт иначе. . .

Основная масса беженцев, собрав последние силы и энергию, с большими трудностями день и ночь шла, совершая весьма тяжёлый и опасный марш. От усталости падали, на ходу спали. Всё же большинство отступавших своей цели достигли: добрались до своих частей.

Конечно, были и малодушные, поддавшиеся на удочку провокаторов различных мастей. Им помогали трусы и предатели, уговаривавшие людей остаться на милость врага. Оставаясь на месте, эти люди ещё не понимали, что такое фашизм и его война. Вскоре они столкнулись со зверствами фашистов на оккупированной территории. До сегодняшнего дня у меня в памяти сохранилась лежащая в придорожном кювете убитая женщина, держащая в объятиях своего ребёнка. Меня это потрясло тогда. . . Только мать может с такой силой, до последнего дыхания отдать свою жизнь за своего самого близкого и дорогого ей человека. Женщина была довольно крупная, у ребёнка, девочки, были светленькие, вьющиеся волосёнки, примерный возраст — около трёх лет. Женщина и девочка были одеты в одинаковые летние лёгкие платья голубого цвета в горошек, при них не оказалось ни документов, ни вещей. Они лежали окровавленные, я заметил, что у девочки изо рта пульсирующими лёгкими дозами идёт кровь. Когда нам удалось освободить девочку из крепких рук матери, она была ещё жива, но истекала кровью. Не прошло и 20 минут, как ребёнок умер от ранения в животик, а мать её погибла от сквозного ранения в грудь.

Уже совсем к вечеру из лесного массива слева от дороги, по которой мы двигались, в нашу сторону побежало множество гражданских людей. Они на расстоянии махали нам руками, платками, стараясь донести до нас, что немцы в лесу.

Мы сразу приостановили движение, заняли оборону в придорожном кювете, были полностью готовы для встречи с врагом. Долго не пришлось ожидать: примерно через десять минут мы услышали трескотню мотоциклов, они выскочили из леса, вначале прострочили из пулемётов по гражданским лицам, затем помчались с большой скоростью с небольшим интервалом между собой мимо нас. Обнаружили нашу колонну и тут же взяли курс прямо на батарею. Мы не растерялись: подпустили их на самое близкое расстояние, и я только подумал: “Как бы не промахнуться при первом выстреле”. Мне, как бывшему охотнику, приходилось себя тренировать стрельбой из личного оружия по быстролетящим и движущимся целям. Поэтому я взял на себя миссию и ответственность произвести первый выстрел из винтовки, который должен был в дальнейшем явиться сигналом для открытия огня. Мой первый выстрел оказался удачным, головной мотоциклист сразу же перекувыркнулся вместе со своим мотоциклом. После стрельбы из личного оружия орудийных расчётов нам удалось ещё уничтожить двоих мотоциклистов, остальные повернули обратно. Во время стрельбы из-за поднявшейся пыли и дыма не удалось рассчитаться с остальными. Это была первая встреча с наземным противником.

Подошёл ко мне младший политрук батареи Михайлов и говорит: “Теперь держись, не исключена возможность, что оставшиеся в живых мотоциклисты врага вскоре приведут противника более сильного, с танками и пехотой”. Я ответил, что в таком случае развернём свои орудия в боевое положение, и их танки полетят в воздух вместе с пехотой. . .

Продолжался наш марш на восток. Колонна двигалась с интервалом примерно около 50 метров между машинами. Я ехал на головной автомашине, а младший политрук – на последней.

После тридцатиминутного марша внезапно на бреющем полёте появилась группа “мессеров”, которые вначале пробомбили нас, а затем, после бомбёжки, сделав разворот, начали обстреливать нашу колонну из пулемётов. В этом налёте много осталось убитых и раненых. Был тяжело ранен и наш политрук товарищ Михайлов, ранение он получил в голову. Ему оказали необходимую помощь и к утру его отправили на попутной машине в направлении Двинска, на этой же машине были несколько других раненых солдат и две семьи военнослужащих. Судьба этой машины и людей осталась мне неизвестной.

Несмотря на плохую разбитую дорогу, завалы из обломков разбитых и сгоревших машин, повозок, трупы убитых людей и лошадей, всё же движение ночью для нас прошло благополучно. Притихла стрельба, наступила тишина, только слева от нас были видны отдельные очаги пожаров, изредка вспыхивали ракеты. В это время немцы поужинали, приостановили свои действия и отдыхали. Так говорили гражданские, такое мнение сложилось и у нас.

За это тихое время мы продвинулись примерно на 80 километров. Наступил рассвет, позади осталось множество хуторов, населённых пунктов и наших граждан, которые также пробирались на восток, искали поддержку и спасение от врага.

К утру мы вынуждены были сделать остановку, чтобы отдохнуть, перекусить, если найдётся пища, проверить материальную часть орудий, состояние транспорта и наличие горючего, уточнить наше положение в данном районе. Несмотря на окружающую тишину, на всякий случай два орудия привели в боевое положение, остальную технику тщательно замаскировали, выставили наблюдателей. Некоторые солдаты склонились у орудия и уснули, другие сидели, переживая за себя и судьбу других людей.

Мы понимали, что тишина эта временная и обстановка может в любой момент измениться и привести к непоправимому результату для всех нас. Один из командиров взводов, лейтенант, несмотря на усталость, пошёл к домикам, расположенным на расстоянии трёхсот метров от нас, произвести разведку. Его разведка оказалась весьма удачной. Из домиков ему навстречу вышел мужчина, примерно 50 лет, и рассказал, что на хуторе никого нет, жильцы оставили своё хозяйство, а сами ушли в лес, где-то скитаются. Молодёжь вечером ушла с воинскими частями, которые дислоцировались в Шяуляе. Дорога находится справа от нас за кустарниками, отсюда около одного километра. Немцев здесь не было, севернее около 3 километров от хутора наблюдались воздушные разрывы артиллерийских снарядов. Командир взвода убедился, что действительно на хуторе кроме домашних животных никого нет. Он тут же развернул свою “полуторку” и отправился дальше для уточнения расположения дороги, на которую указал встретивший его мужчина. Оказалось, что это действительно основная магистраль, идущая к Двинску. Когда он вернулся, вместе с ним к нам подъехали две грузовые автомашины ЗИС-5. Одна из них была нагружена хозяйственными свёртками, другая – различным грузом и бочкой с бензином. Обе машины принадлежали воинской части, которая дислоцировалась в Таурагах. Их часть вступила в бой с превосходящими силами противника, понесла большие потери, была потеряна всякая связь, и вот эти военнослужащие попали к нам. В это время мы крайне нуждались в транспорте, которого нам не доставало, чтобы поднять наше хозяйство. Вскоре вокруг нас начали собираться люди, шли со всех концов. Ругали фашистов, сообщали нам сведения о противнике, о большом количестве танков, мотопехоты, об артиллерийских частях и их примерном расположении. Каждый из них стремился сообщить как можно больше точных сведений.

Мы продолжали свой путь. Стало ясно, что врагу нет должного сопротивления со стороны наших частей, поэтому он вскоре должен появиться здесь. Примерно в 11 часов утра совсем рядом застрочили немецкие пулемёты, возобновилась артиллерийская стрельба, разрывы снарядов наблюдались слева и далеко впереди нас. Один лейтенант подошёл ко мне и говорит: “Слушай, комбат, наши дела плохи, мы, очевидно, попали в хорошую ловушку немцев. Дальше ехать опасно, необходимо принять другие меры”. Я ответил, что обратной дороги нет, слева немцы, справа будет их тыл, дорога остаётся

одна, только прямо на восток, на Двинск. Это наш единственный путь, а что будет — того не миновать. В воздухе самолётов противника пока не было, у немецких лётчиков, похоже, был перерыв на завтрак. Мы решили еще раз рискнуть продвинуться вперед. А может, мы их напугаем, как это было при встрече с их мотоциклистами. Позже нам стало известно, что по чистой случайности мы миновали их и не встретились с превосходящими силами противника, у которого были танки, бронетранспортёры и большое количество автоматчиков.

Наше движение продолжалось в сторону Двинска. На отдельных участках противник приближался к нашей дороге, и тут уж был слышен удаляющийся шум танков и стрельбы. Короче говоря, без конца возникала угроза со стороны противника.

Враг развил такую скорость передвижения своих войск на восток, что не представлялось никакой возможности оторваться от его преследования. Чувствовалось, что и здесь ему не оказывалось никакого сопротивления со стороны наших войск. И это очень угнетало.

Во время двухчасового марша нам пришлось проезжать небольшие населённые пункты, отдельные хутора, домики, кустарники, подъёмы и склоны дорог. На извилистой широкой реке Западная Двина совсем неожиданно показался мост, он своими стройными пролётами возвышался над прилегающей местностью и городом Двинском, как бы с гордостью смотрел вдаль. Командир орудийного расчёта Коноваленко первым заметил этот мост и с большой радостью вскрикнул, да так, что настроение солдат поднялось. У моста было тихо и безлюдно, только на левой стороне у самого моста прошло несколько человек военнослужащих. Мы спокойно переехали через мост и с его левой стороны увидели одну противотанковую 45-миллиметровую пушку с орудийным расчётом, который состоял из 3 человек, а в тридцати метрах справа от них сидел в ячейке один солдат с усталым видом, грязный, небрежно одетый, склонившийся к своей винтовке. Когда я спросил его, что он здесь делает, он поднялся и начал докладывать по всей форме: “Приказали сидеть, вот я и сижу”. На мой вопрос: “Где ваш командир?” — он ответил, что все ушли, а лишь его одного оставили здесь до ухода наших сапёров оборонять мост, и показал рукой в сторону моста. Затем добавил с волнением: “Они производят подготовку для взрыва моста”, и, сделав небольшую паузу, сказал: “Какая жалость, сколько потрачено человеческого труда, материальных ценностей и любви для сооружения такого прекрасного моста, а взорвут его за несколько минут”.

Только закончился этот странный разговор с солдатом, в одиночку обороняющим мост, как мне навстречу выезжает сам наш пропащий командир полка майор Алейников. А я обрадовался, думаю, сейчас отчитаюсь, как мы добрались, как сохранили всю материальную часть, какие были трудности, успехи и потери, что нам известно о противнике... Но наш героический командир был ужасно взволнован, никаких вопросов не задавал, а лишь дал задание: занять огневую позицию восточнее на полтора километра от двинского аэродрома. Путь следования — по дамбе реки Двина в направлении юго-запада, с задачей прикрыть аэродром от воздушного противника. Расстояние до огневой позиции — не более двух километров. Мы начали движение на новую огневую позицию, указанную командиром полка, слева текла Двина, справа был громадный котлован, заполненный водой. Сквозь крупные кустарники, заросшие высоким бурьяном, просматривались массивные стены из красного кирпича. Мы это сооружение приняли за давно заброшенное старое укрепление. Круто вправо сворачивала мало укатанная просёлочная дорога. Мы остановились. Далее совершать движение по дамбе не представлялось возможным, стало опасно находиться в походном положении, в то время как противник был не более чем в двух километрах от нас. Приняли решение свернуть на эту “дорогу”, проехали по ней не больше двух километров, заняли временную огневую позицию (до уточнения обстановки), так как в данном районе начала действовать авиация противника. Огневая позиция оказалась удобной, с хорошим круговым обзором, что позволяло вести огонь не только по воздушным целям на различных высотах, но и уничтожать наземного противника.

На огневой позиции закипела большая боевая работа, готовилась материальная часть орудий и боеприпасы к стрельбе, одновременно проводились инженерные работы, копали ровики для орудий, ячейки для расчётов и заготавливали маскировочные средства.

Одновременно мы в срочном порядке приступили к разведке окружающей местности. Нас крайне интересовало, какие здесь имеются объекты, точное их расположение, надо было разыскать аэродром, который мы должны прикрывать от воздушного противника. Кроме того, надо было установить связь с воинской частью в этом районе. После часовой разведки установили, что аэродром располагался от нас на удалении около двух километров западнее. Но он был уже полностью эвакуирован, а других воинских частей на этом участке не было. Кого же нам нужно было прикрывать? Также установили, что обратный путь нашего отхода возможен только по дамбе, по которой нам уже пришлось ехать на данную огневую позицию. Понимая, что в сложившейся обстановке нам тут защищать нечего, для начала мы приступили к подготовке автотранспорта к совершению марша и с нетерпением ожидали приказа командира полка о снятии нас с этой огневой позиции. Как выяснилось позже, приказ о занятии нами этой позиции был отдан в тот момент, когда сам командир и его штаб не были в курсе всех происходящих событий и изменений на данном направлении. После произведённой нами разведки и при отсутствии связи со штабом и какой-либо информации от штаба нашего полка или других воинских частей мы вынуждены были принимать самостоятельное решение о снятии с занятой огневой позиции и марше в новый район.

Итак, батарея снялась с этой прекрасной огневой позиции и, совершив небольшой марш, подъехала вплотную к дамбе, то есть к реке Двине, к месту, где мы уже побывали. Осталось только выехать на дамбу и продолжить свой марш. Но произошло совсем неожиданное: с противоположной стороны реки Двины на горизонте показались первые группы наступающих гитлеровцев. Они в различных местах вели беспорядочную стрельбу из автоматов, пулемётов, изредка слышны были выстрелы из танков. Один бронетранспортер подошёл вплотную к реке, начал маневрировать, делая вид, что нас не замечает. Опустил ствол вниз, создал такое впечатление, что появился здесь не стрелять, а “грибы собирать”. На самом деле ему было неудобно вести стрельбу, поскольку мы находились за дамбой. Он явно решил выждать, когда мы совершим выезд на дамбу и начнём свой двухкилометровый марш по открытой узкой дороге, которая не позволяет свернуть ни вправо, ни влево, так как слева – овраг, справа – река Двина. Для фашистского транспортёра мы были прекрасной мишенью, которую легко расстрелять в упор. В сложившейся ситуации мы решили вручную подкатить одно орудие поближе к дамбе (это место хорошо прикрывалось мелкими кустарниками и бурьяном), привели его в боевое положение, и с первого же выстрела бронетранспортёр взлетел в воздух! Этот наш удачный выстрел и взрыв бронетранспортёра впоследствии привёл в замешательство всю фашистскую колонну, и они притормозили движение. А нам это позволило выехать на дамбу и два километра опасного пути проехать без потерь. Фашистским артиллеристам удалось вслед нашей колонне произвести три выстрела, из них два снаряда шлёпнулись в воду, а один взорвался впереди нас в двухстах метрах. К этому времени мы уже были у моста, успели повернуть влево и начали движение по улицам города Двинска. Всё шло без задержек, мы выехали на шоссе, идущее на Псков (вначале это было наше главное направление). Но не успели опомниться от предыдущих событий, как тут же появилась новая беда: сломался трактор – основная наша тяговая сила. Мы остановили своё движение для принятия срочных мер по восстановлению трактора. Нас сразу же окружила масса людей: сначала гражданских, а позже стали подходить отдельные группы военнослужащих, начались беседы, спрашивали, что мы видели и слышали о противнике, что делать и т. д.

В это время в городе возникла паника. Очевидно, городское население не было своевременно проинформировано о сложившейся обстановке, и люди не знали, как быть, что им делать. Не знали толком и мы, ведь наш храбрый командир полка снова куда-то исчез вместе со всем штабом.

Трактор собственными силами восстановить не удалось, и мы решили с тремя пушками проехать город и на окраине выбрать подходящее место для огневой позиции, после чего прислать машину за оставленной пушкой с трактором. Один из командиров взводов, лейтенант, своим звонким голосом поддал команду: “По машине, марш!” Я в тот момент командовать не смог, у меня “разнесло” обе щеки до такого состояния, что я в течение двух суток не мог раскрыть рот: прорезались, как их называют, “зубы мудрости” одно-

временно с двух сторон. Да, “мудрость” и в прямом, и в переносном смысле пришла ко мне вместе с войной. . .

Только тронулись с места и начали своё движение, как вдруг со всех концов города бегут к нам люди – мужчины, женщины – и кричат: “Спасите, помогите!” Их перепуганные глаза и лица вынудили нас остановиться, разобраться, в чём дело, что за паника. Подумали: “Не исключено, что проскочили где-то фашисты на окраину города”. Я приказал: пусть наша колонна совершает марш в указанный район, а части личного состава батареи принять меры для прикрытия и оказания помощи населению, подготовиться к ведению боя в городских условиях, быть готовыми пустить в ход винтовки, гранаты, которых, к сожалению, было очень мало.

Впоследствии стало известно, что паника возникла стихийно. Поводом стало то, что из городской тюрьмы Двинска были выпущены заключённые, отбывавшие там наказание. Когда их освободили из тюрьмы, не зная положения и обстановки, они стихийно рассеялись по улицам города, часть из них двинулась в направлении центральной дороги, проходящей по городу в направлении Пскова, а часть – в другом направлении, в общем, кто куда. Позже, из слов самих граждан, выяснилось, что со стороны заключённых не было допущено случаев зверства, мести и каких-либо других акций. Они также бросились искать выход и спасение от общего врага. Вначале к нам подошло около пяти человек заключённых в тёмной одежде, они были разных возрастов. Мы стали беседовать с ними. Их интересовало многое, а главное – где наша армия, где немцы, какое положение на фронте? На их многочисленные вопросы я ответил, что немцы пока нажимают так, что трудно оторваться от них, идут буквально по пятам, особенно быстро продвигаются на нашем направлении танковые подразделения. Не успели закончить разговор, как буквально над головой разорвался снаряд и стали слышны выстрелы совсем близко. Один из заключённых говорит: “Товарищ командир, просим Вас принять нас в вашу часть, мы сумеем немчуре намылить голову, мы прекрасно знаем всю окружающую местность, каждый бугорок станет для нас крепостью”. Так мы разобрались в той панике, которая возникла в городе.

Мы привели себя в порядок и двинулись на Псков. Движение по Двинску прошло спокойно, выбрались на окраину. Впереди заметили множество людей. Дорога узкая, справа и слева расположен большой лесной массив. На данном участке дороги скопилось большое количество гражданских, в основном это были литовцы, белорусы, украинцы, небольшие группы и одинокие военнослужащие – неуправляемая и неорганизованная масса, с которой легко было справиться и малочисленному противнику. Дальнейшее движение по дороге стало невозможным, образовалась пробка. В такой обстановке необходимо было принять срочные меры: очистить дорогу, отвести в сторону, в лес всё гражданское население, маскироваться. Я оставил свою колонну и решил пройти вперёд, выяснить причину задержки. Прошёл не более одного километра, и оказалось, что впереди была выставлена так называемая “застава” из представителей военного совета округа для сбора и остановки отходящих граждан и военнослужащих, для формирования боевых подразделений, на которые в дальнейшем будет возложена задача – остановить и нанести удар по наступающему противнику в районе Двинска, то есть отстоять город. Такие меры были бы полезными, если бы данное формирование проводилось значительно раньше, хотя бы за сутки до встречи с врагом.

Меня тоже прихватили, и тут же, с ходу, не выслушав моего объяснения (почему я подошёл к заставе), назначили командиром стрелкового батальона. Представители военного совета торопили очистить дорогу, чтобы замаскировать от воздушного противника своё местонахождение. Моя батарея вскоре подошла к военной заставе, и её также повернули в лес. Я в это время выполнял поручение, а точнее, приказ представителя Совета сформировать стрелковый батальон из лиц, только что призванных в армию, одетых в гражданскую одежду. У каждого из них за плечами рюкзак, в руках – ветхие чемоданы и другие свёртки. При построении их оказалось около 400 человек, сила большая. Несмотря на усталость и голод (все продукты закончились, мы начали делиться последними кусками хлеба), я спросил: “Давно вы находитесь в этом районе?” Они ответили: “Только что прибыли из-под Одессы”. Затем прозвучали голоса: “Быстрее обеспечьте оружием и боеприпасами, ви-

дите, на такое количество людей всего 50 винтовок, и то за счёт пристроившихся к нам военнослужащих, отставших от своих частей”.

В основном формирование батальона, хоть и наспех, подошло к концу, были назначены командиры рот, взводов и отделений. Назначенные командиры рот приступили к проведению бесед на тему дня и о предстоящих задачах. Настроение людей было хорошее, боевое, каждый из них был уверен в себе и в своей победе над врагом. Многие из нас, в том числе и командиры, не полностью представляли, какой будет эта война и её течение.

Наш район формирования вскоре был обнаружен фашистской авиацией, и на нас было брошено большое количество самолётов для полного уничтожения всех, кто был в этом лесу. После бомбёжки, пролетая на бреющем полёте и обстреливая из пулемётов и пушек, врагу удалось нанести большой урон нашим людям, много было убито и ранено. После массовой бомбёжки и обстрела сложилась ещё более тяжёлая обстановка. Кроме большой потери рядового состава, также выбыл из строя командный состав. Представители военного совета приложили много усилий для приведения в порядок людей, сбора и отправки раненых, похорон убитых и отдачи нужных распоряжений оставшимся в строю.

Представитель военного совета, по воинскому званию майор, вызвал меня и спросил: “Вы командир зенитной батареи?”, я ответил: “Так точно”. От майора я получил следующее распоряжение: “Немедленно вывести материальную часть из леса, с орудиями совершить марш по шоссе в сторону Пскова, на марше вы получите дополнительно распоряжение от своих командиров”. До марша нам удалось доукомплектовать автотранспортом свою батарею за счёт других подразделений машинами марки ЗИС-5.

Итак, движение началось. Весь личный состав стал неизвестаемым по своему поведению, по своей суровости и строгости. Сказался уже хоть и небольшой, но имеющийся боевой опыт.

Мы продвинулись на пять километров вперёд, и сзади уже не было ни одного человека. Я подумал: “Что делать? Произвести разведку – нет времени”. Решили проехать ещё с километр, заметили, что в нескольких сотнях метров от нас быстро бегают солдаты, что-то делают. Мы вначале на одной машине подъехали к ним поближе. Я спросил: “Что вы здесь делаете?” – ответили, что им приказано поджечь мост и немедленно уходить в лес. “Наш командир за этой рощей”, – и показали рукой. Тут же подошёл их командир, по воинскому званию младший лейтенант. Он сообщил: “В двух километрах впереди дорога перерезана немцами. Мы сейчас подождём мост и сами будем уходить, пробираться лесом”. Но нам на машинах здесь не проехать, кругом сплошные болота. Мы оказались в более тяжёлом положении, чем когда-либо, Противник преследует нас со стороны Двинска, наши раздробленные части не в состоянии противостоять ему или задержать его хотя бы на несколько часов...

Нам остался один выход – уничтожить материальную часть, то есть всю боевую технику. Кругом лес, болотистые места, проехать на автомашинах ЗИС-5, да ещё с прицепом весом около пяти тонн, невозможно. Я про себя подумал: “Сколько приложено усилий, и неужели пришёл конец? Так просто распрощаться с техникой?”

Враг со всех сторон зажимает нас (со стороны Двинска и со стороны Пскова). Поэтому, находясь на дороге в походном положении, необходимо было принять срочные меры, найти выход из создавшегося положения. Для этой цели были приглашены командиры орудий.

Наши мысли совпали, все высказались за то, чтобы вернуться обратно в сторону Двинска к лесной просеке, которую мы видели во время проезда по дороге. Эта просека проложена в сторону наших старых границ, ещё до сороковых годов. Учитывая, что дорога, на которой мы находимся, узка для разворота орудий и машин, всё пришлось делать вручную, силами орудийных расчётов. Вся эта операция прошла неожиданно быстро, сразу же тронулись обратно, то есть навстречу противнику. Мы были готовы во всеоружии встретить врага, откуда бы он ни появился. Я ехал на головной машине, один из командиров взвода – на последней. При подъезде к просеке не пришлось долго раздумывать: все как один нырнули в лес. Я прикинул, что собой представляет просека: примерно около километра просматривалось вперёд. Она шла немного на подъём, впереди сухо, почва покрыта плотной травой, похоже, по ней не ступала человеческая нога. Итак, наше движение проходило в

необычайных условиях. Мы оказались в объятиях кондового леса. Столетние сосны стояли, как часовые на своём посту.

Проскочили несколько полян, небольших просек, кругом тихо и мирно, движение шло хорошо. Проехали около двух с половиной километров, и нашей просеке пришел конец. Мы остановили свою колонну, заглушили моторы, наступила абсолютная тишина, только наши желудки покоя не дают: охота хотя бы слегка перекусить. Но из пищи ничего не осталось, в общем, единственно досыта надышались лесным ароматом.

Мы прислушались. Справа от нас, совсем недалеко, слышен звон топоров, происходит энергичная рубка леса, доходят отдельные голоса людей. Время не ждёт, тут же организовали из числа своих людей небольшую разведгруппу, чтобы выяснить, что происходит в данном районе, осмотреть местность и найти проезд. Не прошло и 30 минут, как наша разведгруппа возвратилась обратно со следующими данными. Слева от нас проходит сплошное болото, проезда и прохода нет. В пятистах метрах отсюда происходит подготовка леса для строительства дороги через болотистые участки. Дорога оказалась слабой, она могла обеспечить только лёгкий малогабаритный транспорт и пешеходов.

Мы подтянули свои пушки поближе к переправе с задачей: во что бы то ни стало вклиниться в поток движения транспорта, идущего на выложенную из хвороста и жердей дорогу. Организацией переправы руководил тот, кто старше по воинскому званию, и отвечал только за свои подразделения. Мою колонну вообще не пропускали по двум причинам: первое, и, пожалуй, самое главное, с чем нельзя не согласиться, что наши машины ЗИС-5 сами не пройдут, а если тянуть пушки, то разрушим всю дорогу так, что после нас вообще прекратится всякая переправа. Руководитель переправы внимательно выслушал мою просьбу пропустить нас через болото, после чего распорядился развернуть наши пушки для прикрытия переправы от воздушного противника. Начальник согласился на нашу переправу, но в последнюю очередь. Ну, думаю, обрадовал, на последнюю очередь не потребуются твоего разрешения. Там уж, как Бог разрешит...

К нашему большому счастью, на поле примерно около километра от нас работал небольшой трактор. Не помню, кому он принадлежал и кто был подлинным хозяином трактора. Я обратился к трактористу с просьбой оказать нам помощь в переправе четырёх пушек через это проклятое болото. На мою просьбу ответ последовал не сразу. Было заметно по его лицу и взгляду, что он был чем-то взволнован. Мне трудно было понять, в чём дело. Я думал, что этот латыш не понимает меня. Он и действительно плохо говорил по-русски. Как сейчас помню эту картину: он сидит на тракторе, я стою в двух метрах возле его трактора, смотрим друг на друга. У меня мелькнула мысль, что нужно его пистолетом припугнуть, он тогда наверняка согласится...

Но не успел я принять свои меры принуждения, как он говорит: “Товарищ командир, а вы возьмёте меня в свою часть?” Откровенно говоря, такого вопроса я совсем не ожидал. Смотрю на него с удивлением и думаю, что ему сказать в ответ. Мой собеседник, не ожидая ответа, разворачивает свой трактор, мне показал рукой стать на крюк и тут же рванул к нашей переправе. Подъехали к пушкам, а наши товарищи, все как по команде, закричали: “На этом тракторе не пушки возить, а навоз. Долой его, сами вручную потянем, не привыкать”. Всё же решили подготовить последнюю свою машину, стоящую в колонне, с тем, чтоб не так было заметно для окружающих на переправе, что мы замысливаем. Итак, трактор зацепил своим тросом за крюк машины, часть людей взялась за пушку, остальные распределились возле орудия. Я неверующий, но на этот раз прямо-таки перекрестился и обратился к Всевышнему: “Помоги, дорогой, если ты видишь, в какую мы попали беду, нам во что бы то ни стало необходимо переправиться через болото, в долгу не останусь перед тобой”.

Все мы дружно взялись помочь трактору и работающей машине выбраться с этого “святого места”, и, действительно, не проехали, а пролетели. Наш “полёт” вызвал общее удивление, но Господь, видно, и в самом деле помог... Выбравшись из этого болота, мы все были чумазые, как черти, но счастливые.

Подходит ко мне наш тракторист и говорит: “Товарищ командир, вы не сказали в отношении зачисления меня в вашу часть”. Стоящие рядом товарищи в один голос крикнули: “Принимаем, только со своим продовольственным

пайком”. “Согласен, — отвечает тракторист, — я сегодня как никогда сытно позавтракал, и у меня на тракторе в сумке имеется кусок хлеба, два яйца и небольшой кусок сала”. Ему в ответ пущена шутка: “За такой паёк можно и звание дать младшего лейтенанта, а после видно будет”. Колонна была готова к дальнейшему маршу, нас поддерживали и подбадривали все, кто видел нас на переправе. Много хвалебных слов услышали мы в свой адрес за находчивость, организованность, а впереди показалась хорошая дорога, идущая на г. Опочку.

После заболоченной местности, которая отобрала у нас много сил и времени, мы вышли на хорошую грунтовую дорогу, идущую в сторону Опочки. По этой дороге проходило большое количество автотранспорта, курсировали бензозаправочные машины, боевой техники не было, многим не удалось вывести её в нужный район. В разговоре с товарищами выяснилось, что их боевая техника оставлена в различных районах Литвы, Латвии, особенно много — в таких городах, как Таураги, Шяуляй и Каунас.

Следуя по маршруту основного движения, мы достигли г. Опочки. Решили произвести осмотр машин, дозаправку горючим, а главное — подыскать пищу и накормить людей. Мы не успели как следует развернуться, как к нам подъехал наш неуловимый командир части майор Алейников! Все с большим удивлением встретили его, из груди вырвался тяжёлый вздох. У некоторых даже появились слёзы на глазах. С тяжёлым чувством выслушал он нас, наши трудности и переживания. Я про себя подумал, что на этот раз все трудности позади, все вопросы будут решены. Командир части приказал собрать людей, он решил вкратце сообщить о положении наших дел на этот час. Он начал с того, что нам нельзя терять ни минуты времени, наша разведка сообщает тревожные вести, противник на всех направлениях имеет успех, наши части отходят к Ленинграду. Нам следует немедленно продолжить марш до Старой Руссы, где нас будут встречать командиры из штаба... Что ж, приказ получен, нам предстояло совершить ещё один бросок. И, к сожалению, снова на восток.

На этом участке пути уже активно действовала авиация противника, слева от нас слышна была артиллерийская стрельба, проходили машины с ранеными. Мы дважды подвергались бомбёжке и обстрелу с самолётов противника, при обстреле было прямое попадание в моторную часть одной из машин. При подъезде к городу Старая Русса нас действительно встретили работники штаба полка, они провели нас в район сосредоточения. Настроение у нас боевое, доложили во всех подробностях о своих приключениях. Прибыли в полном составе и сохранили свою боевую технику. В заключение доклада я попросил накормить моих людей, которые вот уже третьи сутки были без пищи. Стоянка в районе сосредоточения оказалась совсем короткой, противник по-прежнему продвигался с большой скоростью, без конца появлялись всё новые и новые направления.

Решение командования было таким: кто имеет боевую технику, будут отправлены под Ленинград, а подразделения, которые не имеют боевой техники, — в Москву, на переформирование.

Присутствующие на совещании все, как один, повернулись в мою сторону: боевую технику из всего полка сохранил только я. Я подумал, если получу такой приказ, к этому отнесусь с полной ответственностью и желанием быстрее найти своё место в бою и твёрдо стать на защиту своей Родины. Командир части закончил совещание, приказал всем разойтись по своим местам и быть готовым к маршу, а мне задержаться на дополнительные указания. Был задан вопрос, готов ли я к маршу, ответ был: “В любую минуту”.

Впоследствии наш полк был отправлен в Москву. По прибытии мы разместились в Чернышевских казармах. Командный состав направлялся в различные части. Впереди была ещё долгая дорога войны, но эти роковые дни 41-го, эти первые бои — мне не забыть никогда.

Воспоминания участника Великой Отечественной войны Фёдора Ивановича Лапко, ныне покойного, подготовил к публикации его сын Владимир Фёдорович Лапко.